

А. Лагин

Старик Хоттабыч

#эксмогетство

Лазарь Лагин

Старик Хоттабыч

«ЭКСМО»

1938, 1955

УДК 821.161.1-31-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лагин Л. И.

Старик Хоттабыч / Л. И. Лагин — «Эксмо», 1938, 1955

ISBN 978-5-699-40049-2

К школьнику Вольке неожиданно попадает бутылка, в которую заключен волшебный джинн. Занимательные и веселые приключения начинаются, как только джинн обретает свободу и начинает творить чудеса для своего нового хозяина. Знаменитая сказка Л.Лагина с иллюстрациями В. Канивца.

УДК 821.161.1-31-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-40049-2

© Лагин Л. И., 1938, 1955

© Эксмо, 1938, 1955

Содержание

Необыкновенное утро	7
Таинственная бутылка	9
Старик Хоттабыч	11
Испытание по географии	13
Хоттабыч действует вовсю	17
Необыкновенное происшествие в кино	19
В парикмахерской	21
Девятнадцать баранов	23
Беспокойная ночь	25
Не менее беспокойное утро	28
Интервью с лёгким водолазом	30
Намечается полёт	32
В полёте	33
Опять всё хорошо	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лазарь Лагин Старик Хоттабыч

Рисунки Владимира Канивца

Необыкновенное утро

В семь часов тридцать две минуты утра весёлый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторе и устроился на носу ученика пятого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

Как раз в это время из соседней комнаты донёсся голос матери:

– Нечего спешить, Алёша. Пусть ребёнок ещё немножко поспит – сегодня у него экзамены.

– Ну что за чепуха! – ответил за перегородкой отец. – Парню уже тринадцать лет. Пускай встаёт и помогает складывать вещи.

Складывать вещи! Как он мог это забыть!

Семья Костыльковых переезжала сегодня на новую квартиру.

Не успели напиться чаю, как в квартиру постучались. Затем вошли двое грузчиков. Они широко распахнули обе половинки двери и зычными голосами спросили:

– Можно начинать?

Волька торжественно вынес на улицу, к фургону, диванные валики и спинку. Его сразу окружили ребята, игравшие во дворе.

– Переезжаете? – спросил у него Серёжа Кружкин, весёлый паренёк с чёрными хитрыми глазами.

– Переезжаем, – сухо ответил Волька с таким видом, как будто он переезжал с квартиры на квартиру каждую шестидневку.

Подошёл дворник Степаныч, глубокомысленно свернул сигарку и неожиданно завёл с Волькой солидный разговор, как равный с равным. У мальчика от гордости и счастья слегка закружилась голова.

Но вдруг из квартиры раздался раздражённый голос матери:

– Волька! Волька!.. Ну куда девался этот несносный ребёнок?

И сразу всё пошло прахом. Волька, понутив голову, пошёл в опустевшую квартиру, в которой сиротливо валялись обрывки старых газет и пузырьки из-под лекарств.

– Наконец-то! – накинулась на него мать.

– Бери твой знаменитый аквариум и срочно влезай в фургон.

Непонятно, почему родители так нервничают, когда переезжают на новую квартиру?

Таинственная бутылка

В конце концов Волька устроился в фургоне неплохо.

Внутри царил таинственный прохладный полумрак. Если зажмурить глаза, можно было свободно представить, будто едешь где-то в Америке, в суровых пустынных прериях, где каждую минуту могут напасть индейцы и с воинственными кликами снять с тебя скальп. Старая бочка, в которой бабушка квасила на зиму капусту, удивительно напоминала бочки, в которых пираты старого Флинта хранили ром.

Сквозь дыры в стенке фургона проникали тоненькие столбики солнечных лучей.

И вот наконец фургон, скрипя, остановился у подъезда их нового дома.

Отец, кое-как расставив вещи, сказал:

– Остальное доделаем после работы.

И ушёл на завод.

Мать совместно с бабушкой принялась распаковывать посуду, а Волька решил тем временем сбегать на реку. Правда, отец предупредил, чтобы Волька без него не смел ходить купаться, потому что тут страшно глубоко, но Волька быстро нашёл для себя оправдание.

«Мне необходимо выкупаться, – решил он, – чтобы была свежая голова. Как это я могу явиться на испытание с несвежей головой?!»

Это большое удобство, когда речка недалеко от дома. Волька сказал маме, что пойдёт на берег готовиться по географии. Прибыв к речке, он быстро разделся и бросился в воду. Шёл одиннадцатый час, и на берегу не было ни одного человека. Обидно было, что никто не мог восторгаться тем, как красиво и легко Волька плавает и, в особенности, как он замечательно ныряет.

Волька наплавался и нанырялся до того, что буквально посинел. Тогда он стал вылезать на берег. Он уже совсем было вылез из воды, но передумал и решил ещё раз нырнуть в ласковую прозрачную воду.

И вот в тот самый момент, когда он уже собирался подняться на поверхность, его рука вдруг нащупала на дне реки какой-то продолговатый предмет. Он схватил его и вынырнул у самого берега. В его руках была склизкая, замшелая глиняная бутылка очень странной формы. Горлышко было наглухо замазано каким-то смолистым веществом, на котором было выдавлено что-то отдалённо напоминавшее печать.

Волька прикинул бутылку на вес. Бутылка была тяжёлая, и Волька обмер.

«Клад! – мгновенно пронеслось у него в мозгу. – Клад со старинными золотыми монетами. Вот это здорово!»

Наспех одевшись, он помчался домой, чтобы в укромном уголке распечатать бутылку.

Волька вбежал в квартиру и, проскользнув мимо кухни, юркнул в комнату и прежде всего запер на ключ дверь. Затем вытащил из кармана перочинный нож и, дрожа от волнения, соскрёб печать с горлышка бутылки.

В то же мгновение вся комната наполнилась едким чёрным дымом и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за ламповый крюк.

Старик Хоттабыч

Дым в комнате понемножку рассеялся, и Волька вдруг увидел, что в комнате, кроме него, находится ещё одно живое существо. Это был тощий старик с бородой по пояс, в роскошной шёлковой чалме, в таком же кафтане и шароварах и необыкновенно вычурных сафьяновых туфлях.

– Апчхи! – оглушительно чихнул неизвестный старик и пал ниц. – Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

– Вы иллюзионист из цирка? – догадался Волька, с любопытством оглядывая сверху незнакомца.

– Нет, повелитель мой, – продолжал старик, – я не иллюзионист из цирка. Знай же, о благословеннейший из прекрасных, что я Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдуррахман Хоттабович.

– И случилась со мной – апчхи! – удивительная история. Я, несчастный джинн, послушался Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – я и брат мой Омар Хоттабович. И Сулейман ибн Дауд – мир с ними обоими! – приказал принести два сосуда: один медный, а другой глиняный, и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего – в медном. Запечатал он оба сосуда, оттиснув на них величайшее из имён Аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня – в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, – апчхи, апчхи! – извлёк меня. Да продлятся дни твои, о... Извиняюсь, как твоё имя, отрок?

– Меня зовут Волька, – ответил наш герой, продолжая раскачиваться под потолком.

– А имя отца твоего, да будет он благословен во веки веков?

– Папу моего зовут Алёша... то есть Алексей.

– Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алёша, что я буду делать впредь всё, что ты мне прикажешь, ибо ты меня спас из страшного заточения, и я твой раб.

– Почему ты так чихаешь? – осведомился ни с того ни с сего Волька.

– Несколько тысяч лет, проведённых в сырости, без благодатного солнечного света, в глубинах вод, наградили меня, недостойного твоего слугу, хроническим насморком. Повелевай мной, о мой юный господин! – с жаром закончил Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, задрав вверх голову, но продолжая оставаться на коленях.

– Я желаю немедленно очутиться на полу, – неуверенно промолвил Волька.

И в то же мгновение он оказался внизу, рядом со стариком Хоттабычем. Первым делом Волька схватился за штаны. Штаны были абсолютно целы.

Начинались чудеса.

Испытание по географии

– Повелевай мной! – продолжал старик Хоттабыч, глядя на Вольку преданными, собачьими глазами. – Нет ли у тебя какого-нибудь горя, о Волька ибн Алёша? Скажи, я помогу тебе. Не гложет ли тебя тоска?

– Гложет, – отвечал застенчиво Волька. – У меня сегодня испытание по географии.

– Не беспокойся, о мой повелитель! – возбуждённо заорал старик. – Знай же, что тебе неслыханно повезло, о красивейший из отроков, ибо я больше всех джиннов богат знаниями по географии. Мы пойдём с тобой вместе в школу, да будут благословенны её фундамент и крыша! Я тебе буду незримо подсказывать ответы на все вопросы, и ты прославишься среди учеников твоей школы и среди учеников всех школ твоего великолепного города.

– Замечательно! – сказал Волька.

Он уже открыл дверь, чтобы пропустить вперёд себя Хоттабыча, но тут же снова закрыл её.

– Придётся тебе сменить одежду.

Через две минуты из дома, в котором с сегодняшнего дня проживала семья Костыльковых, вышел наш герой, держа под руку старика Хоттабыча. Хоттабыч был великолепен в новой пиджачной паре из белого полотна, украинской вышитой сорочке и твёрдой соломенной шляпе канотьё. Единственной деталью его туалета, которую он ни за что не согласился сменить, были туфли. Ссылаясь на мозоли трёхтысячелетней давности, он остался в вычурных, богато расшитых золотом и серебром туфлях.

* * *

– Костыльков Владимир! – торжественно провозгласили за столом, где сидела комиссия.

Волька нехотя встал из-за парты, неуверенным шагом подошёл к столу и вытащил билет № 14 – «Форма и движение Земли».

– Так, – сказал разомлевший от жары член комиссии. – Так, так, Костыльков. Что же ты можешь рассказать о горизонте?

А Волька вдруг почувствовал, что какая-то неведомая сила против его желания раскрыла ему рот.

– Горизонтом, о высокочтимый мой учитель, – начал он и тут же облился холодным потом, – я осмелюсь назвать, с твоего позволения, ту грань, где хрустальный купол небес соприкасается с краем Земли.

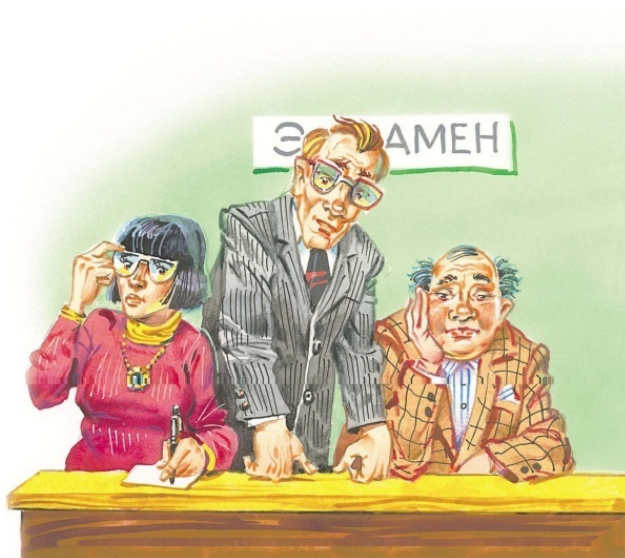
– Что такое, Костыльков? – удивился экзаменатор. Хрустальный свод – в переносном или буквальном смысле?

– В буквальном, – прошептал за дверью старик Хоттабыч.

И Волька, чувствуя, что несёт несусветную чепуху, ответил:

– В буквальном, о учитель!

Он не хотел этого говорить, но слова вылетали сами, помимо его желания.

Ученики, изнывавшие на партах в ожидании своей очереди, вострепнулись и зажуужжали, как шмели.

– Значит, как же? – забеспокоился экзаменатор. – Значит, небо – это твёрдый купол?

– Твёрдый, – отвечал убитым голосом Волька, и крупные слёзы потекли по его щекам.

– Да-а... – протянул экзаменатор и с любопытством посмотрел на Вольку. – А что ты можешь сказать насчёт формы Земли?

Старик Хоттабыч что-то трудолюбиво забормотал в коридоре.

«Земля имеет форму шара», – хотел было сказать Волька, но по не зависящим от него обстоятельствам отвечал:

– Земля, о достойнейший из учителей, имеет форму плоского диска и омывается со всех сторон величественной рекою – Океаном. Земля покоится на шести слонах, а те, в свою очередь, стоят на огромной черепахе. Так устроен мир, о учитель!

Старик Хоттабыч в коридоре одобритительно кивал головой.

Весь класс помирал со смеху.

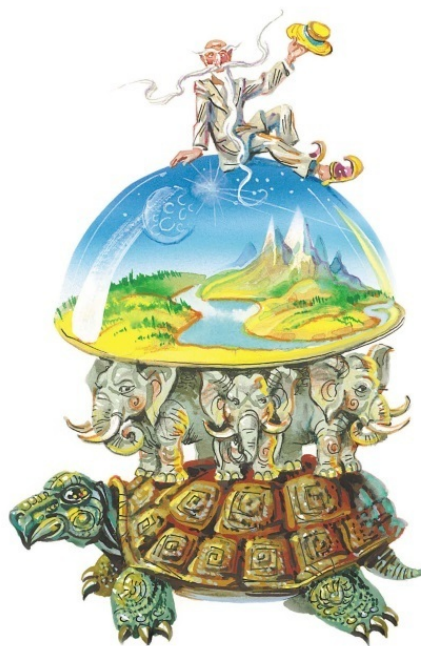
– Ты, наверно, болен, Воля? – участливо спросил у него директор школы и пощупал его лоб, мокрый от пота – Придёшь, когда выздоровеешь. И я сам проверю твои знания по географии.

По ту сторону дверей Вольку встретил сияющий Хоттабыч.

– Заклинаю тебя, о юный мой повелитель, – сказал он, обращаясь к Вольке, – потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих?

– Потряс, – ответил, вздохнув, Волька и с ненавистью посмотрел на старика Хоттабыча.

Старик Хоттабыч самодовольно ухмыльнулся.

Хоттабыч действует вовсю

Домой идти не хотелось. На душе у Вольки было отвратительно, и хитрый старик почувствовал что-то неладное.

Добрых три часа он рассказывал своему спасителю, сидя на скамейке на берегу реки, о разных своих похождениях. Потом Волька вспомнил, что мама дала ему деньги на билет в кино.

– Знаешь что, старик, – сказал Волька, – сходим в кино!

– Твои слова для меня закон, о Волька ибн Алёша, – смиренно отвечал старик. – Но скажи мне, сделай милость, что ты подразумеваешь под этим непонятным для меня словом: «кино»?

– Каждый ребёнок знает, что такое кино. Кино – это... – Тут Волька неопределённо повёл в воздухе руками и добавил: – Ну, в общем, придём – увидишь.

Около кинотеатра стояла большая очередь в кассу. Над кассой висел плакат: «Детям до шестнадцати лет вход воспрещён».

– Что с тобой, о красивейший из красавцев? – всполошился Хоттабыч, увидев, что Волька вдруг снова помрачнел.

– А то со мной, – с досадой ответил Волька, – что из-за твоих рассказов мы опоздали на дневной сеанс. Теперь пускают уже только с шестнадцати лет. И потом – видишь, какая очередь. Домой идти не хочется...

– Ты не пойдёшь домой! – заорал на всю площадь старик Хоттабыч. – Не пройдёт и одного мгновения, как нас пропустят в твоё кино, и мы пройдем в него, окружённые вниманием и восхищением.

Да что ты кричишь, старая ты балда! – взорвался Волька

– А что такое балда? – почему-то участливо поинтересовался старик.

– Ну, балда – это вроде мудреца, смутился Волька.

Хоттабыч удовлетворённо качнул головой.

«Старый хвастунишка!» – выругался про себя Волька, сжав кулаки. И вдруг обнаружил в правом кулаке два билета восьмого ряда.

– Ну идём, – сказал старик Хоттабыч, которого буквально распирало от счастья. – Теперь-то они тебя пропустят.

– Ты уверен в этом? – осведомился Волька.

– Так же, как в том, что тебя ожидает великое будущее, сказал он и подвёл Вольку к зеркалу, висевшему около контроля.

Волька обмер. Из зеркала на него глядело уродливое существо: в коротких штанишках, в пионерском галстуке и с бородой апостола на розовом мальчишеском лице.

Необыкновенное происшествие в кино

Торжествующий Хоттабыч поволок Вольку по лестнице на второй этаж, в фойе. Наш герой, онемевший от тоски, старательно прикрывал руками продолжавшие бурно расти бороду и усы. Контролёрша сурово начала:

– Мальчик, детям до шестна...

Но Волька совершенно машинально отнял руки от своего подбородка, и контролёрша поперхнулась.

– Пожалуйста, гражданин, – сказала она и дрожащими от страха руками оторвала контрольные талоны билета.

Около самого входа в зрительный зал скучал Женя Богорад, круглолицый, коренастый паренёк, выглядевший значительно старше своих четырнадцати лет. Это был старинный Волькин приятель. Он невыносимо страдал от одиночества. Ему не терпелось рассказать хоть кому-нибудь, как сегодня Волька сдавал испытание по географии.

В самых дверях его сшиб с ног старик в канотье и расшитых золотом туфлях, который тащил за руку самого Вольку Костылькова.

– Волька! – крикнул ему Женя и помахал рукой.

Но Костыльков не выказал никаких признаков особой радости. Он даже, наоборот, демонстративно ушёл в самый дальний угол фойе, и Женя обиделся. Он был очень гордый.

«Ну и не надо», – решил он и пошёл в буфет выпить стаканчик сидра.

Поэтому он не видел, как вокруг его приятеля и странного старика начал толпиться народ. Когда же он попытался пробиться к Костылькову, было уже поздно.

– Скажите, пожалуйста, в чём дело? – спрашивал Женя, неутомимо работая локтями. Но ему никто не отвечал. Все стремились в заветный угол фойе, где, сгорая от стыда, притаился Волька Костыльков.

Тогда навести порядок решил сам директор кино. Он откашлялся и громко произнёс:

– Граждане, разойдитесь! Что вы, бородатого мальчика не видели, что ли?

Хоттабычу было не по себе. Он не знал, что делать.

– О мой юный повелитель! – нервно сказал он. – Прикажи, и все эти презренные зеваки будут превращены в прах вместе с этим трижды проклятым кино.

– Не надо, – горестно ответил Волька, и крупные слёзы покатались по его щекам и пропали в гуще его бороды.

Эта новость немедленно стала известна всем окружавшим Вольку.

– Бородатый мальчик плачет, – пошёл шёпот по всей толпе.

Потом лицо Костылькова вдруг просветлело. Он быстро повернулся к старику и сказал ему голосом, дрожащим от радостного волнения:

– Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, слушай мой приказ! Я приказываю тебе, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб: сделай так, чтобы с моего лица пропала эта проклятая растительность.

– Но тебя тогда выгонят из кино, – пытался было возразить старик. Однако, увидев нетерпеливый жест Вольки, он покорно ответил: – Слушаю и повинуюсь, о красивейший из красавцев!

Хоттабыч что-то зашептал, сосредоточенно прищёлкивая пальцами.

Борода и усы на Волькином лице оставались без изменений.

Старик Хоттабыч, к удивлению и восторгу окружающих, вдруг повалился на пол и начал, катаясь по пыльному паркету, бить себя в грудь и царапать лицо.

– О, горе мне, – вопил при этом Хоттабыч, – о, горе мне! Тысячелетия, проведённые в этой проклятой бутылке, дали себя знать. Отсутствие практики, увы, губительно отразилось на моей специальности. Прости меня, о юный мой спаситель, но я ничего не могу поделать с твоей бородой и твоими усами! Я не могу избавить тебя от бороды и усов... Я позабыл, как это делается!

Волька со злостью дёрнул самого себя за бороду, застонал и, схватив хныкающего Хоттабыча за руку, поплёлся с ним к выходу сквозь вежливо расступившуюся толпу.

– Куда мы направляем сейчас свои стопы, о Волька? – плаксивым голосом спросил старик.

– В парикмахерскую. Бриться. Немедленно бриться!

В парикмахерской

Парикмахерская была переполнена клиентами.

Небритый мастер высунул своё распаренное лицо из мужского зала и крикнул хриплым голосом:

– Очередь!

Тогда из укромного уголка около самой вешалки вышел и уселся в парикмахерском кресле мальчик с лицом, наполовину закутанным в какую-то белую тряпочку.

– Прикажете постричь? – галантно осведомился парикмахер.

– Побрейте меня, – ответил ему сдавленным голосом мальчик и развязал платок, в котором были спрятаны его борода и усы.

«Вот что значит работать в душном помещении в такую жару, – подумал с тоской парикмахер. Он решил, что у него галлюцинация. – Доработался!»

– Побрейте меня, – продолжал мальчик. – Только как можно скорее.

Парикмахер понял, что это не галлюцинация, сразу повеселел и, ухмыльнувшись, ответил:

– Я бы на вашем месте, молодой человек, не брил бороду, а поступил бы в цирк. Вы бы там с такой личностью смогли вполне свободно заработать бешеные деньги.

– Да брейте же поскорее! – крикнул Волька, опасливо глядя на соседние кресла.

Парикмахер, глупо хихикая, приступил к делу. Но было уже поздно, потому что все присутствующие в парикмахерской заметили необыкновенного клиента. Клиенты с намыленными щеками, с наполовину побритыми затылками, фыркая и подталкивая друг друга локтями, бесцеремонно обменивались мнениями насчёт Волькиной физиономии.

Но вот уже последняя полоска мыла снята вместе с волосами с Волькиного лица, и мастер сказал, давась от смеха:

– Напрасно всё-таки изволили сбривать такую ценность. С такой бородой прямая дорога в цирк.

В ответ на эту прощальную реплику вся парикмахерская разразилась таким хохотом, как будто было сказано что-то необыкновенно остроумное. И тогда встал со своего места Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, поднял вверх руки и громовым голосом произнёс:

– Презреннейшие из презреннейших, глупейшие из глупцов! Вы, смеющиеся над чужими несчастьями, находящие веселье в насмешках над горбатыми, разве достойны вы носить имя людей!

И он махнул руками.

Через полминуты из дверей парикмахерской выбежали, дробно цокая копытцами, девятнадцать громко бляевших баранов.

Девятнадцать баранов

А перед этим происшествием хохот стоял такой, что прохожие останавливались, недоуменно заглядывали в окна и двери парикмахерской, собирались кучками у входа и, ещё не зная, в чём дело, смеялись.

– Очередь! – самодовольно провозгласил между тем парикмахер, стараясь перекрыть весёлый шум в зале. Он деловито вытер бритву, обернулся к клиентам и внезапно ослабевшим голосом простонал – Ой, мама!

Он испуганно посмотрел в зеркало и увидел на редкость глупую баранью морду. Тогда он горько заплакал, встал на все свои новые четыре ноги и, цокая копытцами, выбежал вместе с остальными восемнадцатью баранами из парикмахерской.

Печально блеявшее стадо сразу застопорило всё уличное движение.

Неизвестно, сколько продолжался бы этот ералаш, если бы случайно не проходил в это время мимо отец Волькиного приятеля Серёжи Кружкина – Александр Никитич, сотрудник научно-исследовательского института овцеводства.

– Вот это бараны! – воскликнул Кружкин с искренним восхищением. – Прелесть какие бараны! Товарищ милиционер, чьи это бараны?

Милиционер в ответ только растерянно развёл руками, и тогда Александру Никитичу пришла в голову дерзкая и не совсем похвальная мысль.

– Позвольте, позвольте... – сказал он, как бы припоминая что-то. – Позвольте, да ведь это, кажется, подопытные бараны, убежавшие сегодня из нашего института! Ну, конечно! Я узнаю вот этого молоденького барашка, я веду над ним наблюдения уже не первый месяц.

Как мы увидим впоследствии, Александр Никитич, сам не зная того, не врал насчёт этого барашка.

Стадо дружно заблеяло. Милиционер, весьма довольный, что нашёлся хозяин этого приبلудного стада, отрядил двух дворников, которые погнали девятнадцать горемычных баранов в чистый, высокий и светлый хлев научно-исследовательского института овцеводства.

Что касается Александра Никитича, то он наблюдал за поведением баранов спокойно, с большим интересом, что-то прикидывая в уме. Очевидно, он обдумывал какие-то свои планы, связанные с новыми обитателями институтского хлева, потому что один раз у него вырвалась фраза:

– М-да! Одного из них придётся, пожалуй, зарезать, чтобы проверить качество мяса...

Услышав эти слова, бараны пришли в такое буйное состояние, что институтским служащим с большим трудом удалось их приковать цепями за ноги к стойлам.

Александр Никитич всё ещё никак не мог налюбоваться на баранов.

Кружкин-старший покинул помещение института поздно ночью, решив посвятить своей счастливой находке большую статью в журнале «Прогрессивное овцеводство».

Полный самых приятных мыслей, он отпер двери своей квартиры. Навстречу ему вышла его жена Татьяна Ивановна.

– Знаешь, Танюша... – начал Александр Никитич с воодушевлением и вдруг заметил, что у жены заплаканное лицо. – В чём дело, Татьяна?

– Шура... – сказала Татьяна Ивановна, и слёзы покатались по её лицу. – Серёженька... наш Серёжа...

Одним словом, Серёжа Кружкин как ушёл утром в школу, так до сих пор домой и не возвращался.

Беспокойная ночь

Стадо баранов, подгоняемое озабоченными дворниками, потянулось по направлению к научно-исследовательскому институту овцеводства. Уличная пробка немедленно стала рассасываться, и несколько десятков автобусов, грузовиков, легковых машин, трамваев и троллейбусов сразу тронулись с места. Зажглись притушенные фары, сердито зафыркали и запыхтели моторы, загудели сирены, раздражённо задребезжали трамвайные звонки. Тогда Хоттабыч страшно изменился в лице и громко возопил:

– О горе мне, слабому и несчастному джинну! Джирджис, могучий и беспощадный царь шайтанов и ифритов, не забыл нашей старинной вражды! И вот он наслал на меня страшнейших своих чудовищ!

С этими словами он стремительно отделился от тротуара, уже где-то высоко, на уровне третьего или четвёртого этажа, снял свою соломенную шляпу, помахал ею Вольке и медленно растаял в воздухе, крикнув на прощание:

– Я постараюсь разыскать тебя, о Волька ибн Алёша! Пока!

Между нами говоря, Волька даже обрадовался исчезновению старика. Было не до него. У Вольки буквально подкашивались ноги при одной мысли, что ему сейчас предстоит вернуться домой.

В новой квартире дым стоял коромыслом. У взрослых было столько забот, что они не имели никакой возможности присмотреться к тому, как выглядят Волькины щёки. Наспех отругав его за полуночничество, они вновь занялись своими делами. А Волька, сказавшись усталым, завалился спать.

– Воля! – крикнула сыну мать из столовой. – Может быть, всё-таки придёшь поужинать?

– Нет, мамочка, мне что-то не хочется, – скорбно ответил Волька и вдруг почувствовал, что ему очень хочется кушать. Терзаемый голодом, он ворочался с боку на бок, пока в квартире не погасили свет и не затихли разговоры. Убедившись, что старшие действительно уснули, он осторожно слез с кровати и босиком, на цыпочках пробрался в столовую. Его привыкшие к темноте глаза уже различили в синем полумраке заветную дверцу буфета, когда вдруг тишину квартиры пререзала дробная трель телефонного звонка.

Проклиная телефон и его изобретателя, Волька опрометью бросился в свою комнату.

– Да, это я, – донёсся в это время заспанный голос Алексея Алексеевича, подошедшего к телефону. – Да... Здравствуйте, Николай Никандрович... Что?... Нет, нету... Да, дома... Пожалуйста. До свиданья, Николай Никандрович.

– Это кто звонил? – заинтересовалась Волькина мать.

– Это отец Жени Богорада. Волнуется, что Женя до сих пор не вернулся домой. Спрашивал, не у нас ли Женя и дома ли Волька...

Минут десять прошло, пока старшие наконец уснули, и тогда Волька опять отправился в свою тайную экспедицию за съестным. Вот он благополучно добрался до буфета и уже раскрыл дверцу, когда снова раздался оглушительный телефонный звонок. И снова Волька вынужден был, голодный и злой, позорно бежать из столовой.

На этот раз звонила Татьяна Ивановна, мать Серёжи Кружкина. Она тоже справлялась, не у них ли засиделся её сын и нельзя ли в крайнем случае узнать о нём у Вольки.

– Пожалуйста, – любезно согласился Алексей Алексеевич и, приоткрыв дверь Волькиной комнаты, окликнул сына.

Тут немедленно вмешалась бабушка:

– Как тебе не стыдно, Алёша! Ребёнок устал после экзаменов, а ты его будишь!

– Хорош ребёнок, – проворчал Алексей Алексеевич. – У ребёнка скоро борода начнёт расти.

Долго, очень долго ждал Волька, когда прекратятся наконец разговоры старших насчёт Жени и Серёжи, и, так и не дождавшись, незаметно заснул сам.

Поздно ночью пошёл дождь. Он весело стучал в окна, лихо шумел в густой листве деревьев, деловито журчал в водосточных трубах.

К утру, когда небо почти прояснилось от туч, кто-то осторожно тронул несколько раз нашего крепко спавшего героя за плечо. Но Волька продолжал спать. И тогда тот, кто тщетно пытался разбудить Вольку, печально вздохнул, что-то пробормотал себе под нос и направился в уголок комнаты, где на специальной тумбочке стоял Волькин аквариум с золотыми рыбками. Затем раздался еле слышный всплеск воды, и снова воцарилась полная тишина.

Не менее беспокойное утро

Утро наступило чудесное, солнечное.

Но Волька не проснулся бы, если бы одеяло не соскользнуло с него на пол.

– Батюшки, – заволновался он, посмотрев на будильник, стоявший рядом на столике, – опоздал! Серёжка уже ждёт меня на реке удить рыбу.

Волька огорчённо шлепнул себя по щеке и, наколовшись на выросшую за ночь щетину, сразу вспомнил про вчерашние события и понял, что находится в совершенно безвыходном положении. Тогда он снова забрался под одеяло и начал, уныло похныкивая, думать, что ему делать.

Волька пролежал в постели до тех пор, пока отец не ушёл на работу, а мать не отправилась с кошёлкой на рынок.

Прошло два часа, а Волька так и не придумал выхода из своего трагического положения.

«Была не была! – решил он тогда. – Расскажу всё бабушке. Авось вместе что-нибудь изобретём».

И чтобы отрезать себе путь к отступлению, он тут же крикнул:

– Бабушка, а бабушка!

– Ишь ты, проснулся всё-таки, – обрадовалась бабушка – Иду, иду, полуночник.

Её лёгкие шаги слышались уже совсем близко, когда Волька, рассеянно взглянувший на свой аквариум, вдруг быстро подскочил к двери и закрыл её на ключ.

– Я скоро, бабушка, я только оденусь и сам приду, – сказал он и, чем-то очень взволнованный, подбежал к аквариуму.

Это был совсем обычный маленький аквариум, но Волька, посмотрев на него, всполошился не даром: за ночь население аквариума увеличилось. Вчера было четыре рыбки, а сегодня стало пять! Появилась ещё одна, новая, толстая золотая рыбка, важно шевелившая своими пышными ярко окрашенными плавниками. Когда изумлённый Волька прильнул к толстому стеклу аквариума, ему показалось, что она несколько раз хитро подмигнула ему.

Волька засунул руку в воду, чтобы схватить загадочную рыбку, но она сама, сильно ударив хвостом по воде, выскочила из аквариума на пол и в мгновение ока превратилась в старика Хоттабыча.

– Уф! – сказал Хоттабыч, отряхиваясь и вытирая полый пиджака свою мокрую бороду. – Я всё утро ожидаю чести выразить тебе своё почтение. Но ты не просыпался, как я ни старался разбудить тебя. И мне пришлось переночевать в аквариуме, о счастливейший Волька ибн Алёша!

– Как не стыдно смеяться надо мной! – разозлился Волька. – Только в насмешку можно назвать счастливецом мальчика с бородой.

Интервью с лёгким водолазом

Всю ночь родители Серёжи Кружкина и Жени Богорада провели на ногах. Они звонили по телефону всем своим знакомым, объездили на такси все отделения милиции, все больницы, побывали в уголовном розыске и даже в морге. И всё безрезультатно. Ребята как в воду канули.

Наутро директор школы вызвал к себе и лично опросил одноклассников Серёжи и Жени, в том числе и Вольку Костылькова. Волька честно рассказал про вчерашнюю встречу с Женей Богорадом в кино, благоразумно умолчав, конечно, про бороду.

Уже школьники, задумчивые и невесёлые, собирались разойтись по домам, когда вдруг один мальчик вспомнил, что Серёжа с Женей собирались после школы пойти купаться... И тогда все похолодели от страшной мысли.

Через полчаса все наличные силы Освода были брошены на розыски юных утопленников. Сотрудники спасательных станций старательно обшарили баграми всю реку в пределах черты города, но ничего не нашли. Водолазы добросовестно обходили русло реки, подолгу прощупывая омуты, и также ничего не обнаружили.

Уже спускалась над рекой огненная стена заката, слабый ветер доносил из Парка культуры низкие звуки сирены – знак того, что в летнем театре начинался вечерний спектакль, а на реке ещё виднелись тёмные силуэты осводовских лодок, разыскивающих Серёжу и Женю.

В этот прохладный и тихий вечер не сиделось дома. Тем более что Волька только что натёр свои щёки средством для удаления волос, и лицо действительно стало почти совсем гладким.

– Ничего, о Волька ибн Алёша, – успокоил его Хоттабыч, – а завтра к вечеру истечёт срок колдовству, и тогда растительность на твоём лице исчезнет, как будто её и не было вовсе.

– Пойдём погуляем, что ли, – сказал Волька, и вскоре они уже шагали вдоль широкой асфальтированной набережной.

– Что это за люди со странными головами стоят в этих утлых судёнышках? – спросил старик, указывая на осводовские лодки.

– Это лёгкие водолазы, – печально ответил Волька, вспомнив о своих пропавших друзьях.

– Мир с тобою, о достойный лёгкий водолаз! – величественно обратился тогда Хоттабыч к одному из водолазов, высаживавшемуся из лодки на берег. – Что ты разыскиваешь здесь, на дне этой прохладной реки?

– Утонули два мальчика, вот мы их и ищем, – ответил водолаз.

Старик повернулся к Вольке, низко поклонился и произнёс:

– Правильно ли я понял этого лёгкого водолаза, что он разыскивает двух отроков, имеющих высокую честь быть твоими товарищами? И один из них лицом круглолиц, телом коренаст, носом курнос, и волосы его подстрижены не так, как это подобает отроку?

– Да, это Женя. У него причёска «бокс». Он был большой франт, – сказал Волька и очень грустно вздохнул.

– Мы его видели вчера в кино? Это он что-то тебе кричал и ты был опечален, что он всем расскажет о твоей бороде?

– Да, верно. Откуда ты узнал, что я об этом подумал?

– И теперь ты боишься, что найдут твоего приятеля Женю? – продолжал старик, не отвечая на Волькин вопрос— Так не бойся же этого.

– Неправда! Совсем не то, – обиделся Волька. – Мне, наоборот, очень грустно, что Женя утонул.

Хоттабыч с сожалением посмотрел на Вольку и, победоносно ухмыльнувшись, сказал:

– Он не утонул.

– Как не утонул?! Откуда ты знаешь?

– Мне ли не знать! – сказал тогда, торжествуя, старик Хоттабыч. – Я подстерёг его вчера, когда он выходил из кино, и продал в рабство в Индию. Пусть он там кому хочет рассказывает о твоей бороде...

Намечается полёт

- То есть как это – в рабство?! – спросил потрясённый Волька.
- Очень просто, обыкновенно, как всегда продают в рабство! – нервно огрызнулся он. – Взял и продал в рабство. Чтобы не трепался.
- И Серёжку ты тоже продал?
- Вот уж кого не продавал, того не продавал. Кто это такой Серёжка, о прелестнейший?
- Он тоже пропал. Женя пропал, и он пропал.
- Я не знаю мальчика по имени Серёжка, о величайший в мире балда!
- Это кого ты назвал балдой? – полез Волька в амбицию.
- Тебя, Волька ибн Алёша, ибо ты не по годам мудр, – сказал Хоттабыч, очень довольный, что ему удалось так кстати вернуть слово, которое он впервые услышал от Вольки, когда они собирались пойти в кино.
- Волька покраснел и, стараясь не смотреть в честные глаза старика, попросил Хоттабыча не называть его балдой, ибо он не заслуживает этого звания.
- Хвалю твою скромность, бесценный Волька ибн Алёша, – молвил Хоттабыч и устало добавил: – Я ослаб от множества вопросов и умолкаю.
- Тогда Волька сел на скамейку и заплакал от бессильной злобы.
- Верни, пожалуйста, обратно Женю.
- Хоттабыч внимательно посмотрел на Вольку, пожевал губами и задумчиво произнёс, обращаясь больше к самому себе, нежели к Вольке:
- Я сам себе удивляюсь. Что бы я ни сделал, всё тебе не нравится. Интересно, в чём дело? Неужели в старости? Эх, старею я...
- Что ты, что ты, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, ты ещё очень молодо выглядишь! – сказал сквозь слёзы Волька.
- Действительно, старик для своих трёх с лишним тысяч лет сохранился совсем неплохо. Ему нельзя было дать на вид больше ста, ста десяти лет.
- Ну, уж ты скажешь – «очень молодо», – самодовольно ухмыльнулся Хоттабыч и, доброжелательно взглянув на Вольку, добавил: – Нет, вернуть сюда Женю я, поверь мне, не в силах... – Но, – продолжал Хоттабыч многозначительно, – если ты не возражаешь, мы можем за ним слетать...
- Слетать?! В Индию? На чём?
- То есть как это на чём? Конечно, на ковре-самолёте.
- Когда можно вылететь? – всполошился Волька.
- Хоть сейчас!
- Тогда немедля в полёт! – сказал Волька и тут же замялся: – Вот только не знаю, как быть с родителями. Они будут волноваться, если я улечу.
- Пусть это тебя не беспокоит, – отвечал старик, – я сделаю так, что они тебя ни разу не вспомнят за время нашего отсутствия.

В полёте

В одном уголке ковра-самолёта ворс был в неважном состоянии – это, наверное, постаралась моль. В остальном же ковёр отлично сохранился, а что касается кистей, украшавших его, то они были совсем как новые.

Старт был дан в саду при полном отсутствии публики. Хоттабыч взял Вольку за руку и поставил его рядом с собой на самой серединке ковра. Затем он вырвал три волоса из своей бороды, дунул на них и что-то зашептал, сосредоточенно закатив глаза.

Ковёр поднялся выше самых высоких деревьев, выше самых высоких домов, выше самых высоких фабричных труб и поплыл над городом.

– Интересно, – промолвил Волька задумчиво, – интересно, на какой мы сейчас высоте?

– Локтей шестьсот-семьсот, – отвечал Хоттабыч, продолжая что-то высчитывать на пальцах.

Между тем ковёр лёг на курс, продолжая одновременно набирать высоту, и Вольке надоело стоять неподвижно. Зажмурив глаза, чтобы побороть противное чувство головокружения, Волька уселся, свесив ноги с ковра. Так сидеть было удобно, но зато немилосердно дуло в ноги, их относил ветром в сторону.

Ковёр вошёл в полосу облаков. Ковёр, кисти ковра, Волькина одежда и всё находившееся в его карманах набухло от сырости.

– Я предлагаю набрать высоту и вылететь из полосы тумана.

– С любовью и удовольствием, любезный Волька. Сколь поразительна зрелость твоего ума!

Ковёр, хлюпая набухшими кистями, тяжело взмыл вверх.

Теперь наши путешественники уже больше не страдали от сырости, они страдали от холода.

– Х-х-хор-про-шо б-было б-бы сейчас д-достать чего-нибудь т-тёпленького из одежды, – мечтательно сказал Волька, не попадая зубом на зуб.

– П-по-по-жалуйста, о блаженный Волька ибн Алёша, – отвечал Хоттабыч и прикрыл свернувшегося калачиком Вольку неведомо откуда появившимся халатом.

Волька проснулся через два часа, когда ещё было совсем темно. Его разбудили стужа и какой-то тихий мелодичный звон, походивший на звон ламповых хрустальных подвесок. Это звенели сосульки на бороде Хоттабыча и обледеневшие кисти ковра. Вообще же весь ковёр покрылся противной, скользкой ледяной коркой. Это немедленно отразилось на его лётных качествах и в первую очередь на скорости его полёта. А тут ещё начались бесчисленные воздушные ямы. Волька и Хоттабыч хватались тогда за кисти ковра, невыносимо страдая одновременно от бортовой и килевой качки, от головокружения, от холода и, наконец, просто от страха.

Старик долго крепился, но после одной особенно глубокой воздушной ямы пал духом и робко начал:

– О отрок, подобный обрезку луны, одно дело было забросить твоего друга в Индию. Для этого потребовалось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до десяти. Другое дело – лететь на ковре-самолете. Не вернуться ли нам обратно, чтобы не превратиться в кусочки льда?

– Как это у тебя язык поворачивается предложить оставить друга в беде?

С этими словами Волька укутался в халат и снова уснул. Через некоторое время его разбудил Хоттабыч, посиневший от холода, но чем-то очень довольный.

– Я пришёл к тебе с радостью, о Волька! Нам незачем лететь в Индию. Ты меня можешь поздравить: я уже снова умею расколдовывать. Прикажи возвращаться обратно, о юный мой повелитель.

– А Женька?

– Не беспокойся, он вернётся домой одновременно с нами или даже чуть раньше.

– Ну, тогда я не возражаю, – ответил Волька.

И вот продрогшие, но счастливые пассажиры ковра-самолёта финишировали наконец в том же месте, откуда они вчера отправились в свой беспосадочный перелёт.

– Волька, это ты? – услышали они тотчас же мальчишеский голос, доносившийся из-под старой развесистой яблони.

– Женька! Ой, Женька! Боже мой, ведь это Женька! – закричал Волька Хоттабычу и побежал к своему приятелю. – Женька! Это ты?

– Я, а то кто? Конечно, я.

– Ты из Индии?

– Ясное дело, из Индии.

– Ой, как это интересно, Женька! Скорее иди расскажи, что с тобой там было.

И тут же под яблоней Женя Богорад рассказал о своих приключениях на чайной плантации в одном из заброшенных уголков Индии.

Опять всё хорошо

Примерно в то время, когда возвращавшийся ковёр-самолет был уже где-то в районе Серпухова, безутешные родители пропавших ребят снова собрались на квартире у Кружкиных и в тысячу первый раз обдумывали, что бы такое им ещё предпринять.

Похудевший за эти три дня Александр Никитич нервно шагал по комнате из угла в угол. Он так тяжело переживал исчезновение сына, что Татьяна Ивановна не выдержала наконец и сказала:

– Знаешь что, Шура, сходил бы ты в институт, проведаль бы своих баранов.

Минут через десять после его ухода раздался телефонный звонок, и Татьяна Ивановна услышала в трубке неуверенный мальчишеский голос:

– Это квартира Кружкиных?

– Да, – ответила Татьяна Ивановна, – Кружкиных. А в чём дело?

– У вас здесь нет случайно кого-нибудь из Богорадов?

– Есть. А кто их спрашивает?

– Передайте им, пожалуйста, что их просит Женя.

– Женечка, миленький, дорогой мой Женечка... – залепетала тогда Татьяна Ивановна в трубку. – Разве ты не утонул? То есть, Боже мой, что это я говорю! Ну, конечно, ты не утонул. Как я рада, Женечка, что ты не утонул! А где мой Серёжа?

– Не знаю, – донёсся издали голос, – я его сам три дня уже не видел.

Наскоро попрощавшись с ещё более погрузневшей Татьяной Ивановной, Богорады помчались домой.

Как раз к этому моменту Александр Никитич входил в ворота своего института.

Но что случилось? Из здания доносился гул человеческих голосов и громкий прерывистый лязг цепей.

«Воры!» – промелькнула в мозгу Александра Никитича тревожная мысль.

Дрожавшими от волнения руками он отпер двери, ворвался внутрь помещения и застыл, как поражённый громом.

Вместо баранов в стойлах металось около двух десятков мужчин, прикованных цепями за ноги к стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.